

**Космология в культуре:
структурная и функциональная рациональность
Л.А. Максименко, ОмГПУ, Омск, Россия**

European cosmology – the rational enterprise of human culture. "The vertical" organisation of the European culture forms specific rationality – functional which co-ordinates weltanschauung of the person, culture and natural sciences, expressing certain interrelation meanwhile as the person represents the Universe (structural rationality), and meanwhile as he positions oneself in this world.

Вне всякого сомнения, космология, как специфическая область культуры оказывала и оказывает огромное влияние на последнюю. Дело, конечно не в практической ценности, которую можно извлечь из космологии, в отличие от естествознания, успехи которого и сформировали современную науку- и техногенную цивилизацию, основанную на понимании рациональности как эффективной техничности. Э.Шредингер считал космологию абсолютно бесполезной в этом смысле.

Особая роль космологии в культурной истории человечества обусловлена иными соображениями (в том числе – эстетическими и религиозными), ее мировоззренческими и познавательными функциями, погруженностью в мировоззренческий и философский контекст. В структуре мировоззренческих установок человека, затрагивающих коренные вопросы его бытия, мироощущения, космологии принадлежит важное место. Соприкосновение с космологической суперреальностью всегда экзистенциально переживаемо и выражается в образах единства человека и Вселенной в их явлении индивидуальному сознанию. Сущность своего эго открывается человеку только в акте трансцендирования, когда он способен ощутить в себе связь своего внутреннего мира и мира внешнего [1, 12]. Исходный пункт мировоззрения как чувства высшего ориентирования (А. Швейцер) неотделим от потребности человека в осмыслении своего места в мире, в том числе и в космическом плане. На фоне неочевидной корреляции смыслов бытия человека и Вселенной имеет большое значение то, что мы думаем о космосе, наша концепция Вселенной формирует наше мировоззрение, жизненную философию и, таким образом, опосредованно влияет на принимаемые нами решения и каждодневные действия. Познание Вселенной, несмотря на высокий трагизм этих попыток (С. Вайнберг) ориентирует на поиск непреходящих ценностей и утверждение космической витальности в человеческом бытии.

Европейская космология в ее донаучном и научном варианте как рациональное предприятие человеческой культуры может быть осмыслена в формате структурной и функциональной рациональности [2]. Структурную рациональность можно трактовать как изоморфность человеческого разума, познающего Вселенную, свойствам самой Вселенной в духе антропного принципа, весьма созвучного философской парадигме кантовского трансцендентализма. В такое понимание рациональности укладываются разные космологии – от античной до современной. Человек и мир генетически соизмеримы в онтологическом плане. Структурная рациональность, по сути, есть ее онтологическая трактовка, т.е. убежденность в упорядоченности и законосообразности всего сущего, связанная с представлением об организующей деятельности некоего начала как онтологического принципа. В античности таковым представлялся логос, сущность рациональности, связывались с понятиями соизмеримости, пропорциональности, в средневековье – божественный разум, чей замысел хотя бы частично «обязан» раскрыться человеку, не только потому, что в нем есть его искра, но потому, что мир создан творцом не иначе как *propter nos*. В Новое время – онтологические основания рациональности усматривались в объективных закономерностях мироздания, формулируемых в виде математических начал-законов. В современной космологии эти основания трансформируются. Они допускают, вопреки требованиям научного дискурса, императивные высказывания в форме сильного антропного принципа и суждения о том, что «здоровая интерпретация фактов дает возможность предположить, что в физике, а также в химии и биологии экспериментировал «сверхинтеллект» и, что в природе нет слепых сил, заслуживающих внимания» [3, 141]. В современных космологических моделях Вселенная предстает как «объект дружественный разуму», изучающему ее [4, 73].

Функциональная рациональность определяется через соответствие определенной социокультурной системе, через ее относительность к исторической эпохе, задающей свои «правила игры», т.е. когнитивные и некогнитивные ценностные ориентации, господствующий стиль мышления и деятельности. Аналогия мира культуры с космосом постоянно воспроизводилась в сознании людей, и не только через мифологию и фольклор. Она обнаруживает себя в смене предельных космологических абстракций – понятий-метафор, вбирающих в себя помимо умозрительных теоретических конструкций, мировоззренческое, философское содержание, концентрированное содержание понятия Вселенной сквозь их призму. Предельная метафора – это своеобразный аттрактор, она служит наиболее

обобщенным выражением восприятия Вселенной и вокруг этой метафоры, как правило, под влиянием лидирующей формы духовной культуры, формирующей мышление эпохи, задающей предпосылки, формируется концепция (теория) со своим специфическим видением объекта. Некоторые из этих теорий могут выступить в качестве куновских парадигм.

Для античного сознания предельная абстракция – одушевленный, одухотворенный и одновременно математически оформленный Космос, соразмерный человеку, в средневековье – канонический образ всецело зависимого от Создателя христианского космоса, выражала метафора храма. Мир – это храмина божьего создания, храм – божий мир. Отсюда, по-видимому, возникло понятие Вселенской церкви. Даже на излете средневековья, у Коперника обнаруживается метафорическое сравнение Вселенной с храмом [5, 35]. В Новое время, совпадающее с расцветом машинной цивилизации, Вселенная – гигантский механизм, функционирующий в соответствии с законами механики Ньютона и «железной» необходимостью Лапласа. Такие представления оказали решающее воздействие на ход развития науки и оставили заметный отпечаток на других областях человеческой деятельности. Как отмечает О. Тоффлер [6, 14], они явно довели «над умами творцов американской конституции, разработавших структуру государственной машины, все звенья которой должны действовать с безотказностью и точностью часового механизма». В космологии за метафорой механизма стоит концепция стационарной Вселенной, просуществовавшая вплоть до начала XX в.

Современное понимание предельной космологической абстракции, формирующееся в рамках хаотической инфляционной парадигмы в космологии, вероятнее всего может быть выражено через понятие хаоса. Метаморфозы современной космологии предполагают вместо порядка – хаос, вместо единственности – множественность, вместо закономерности – случайность. Их итог – Мультивселенная – результат вечного процесса самовоспроизводства пространственно-временных областей (хаотической инфляции). Это конгломерат множества принципиально различных, причинно несвязанных миров, рожденных случайными квантовыми флуктуациями [7]. Вся история нашей Вселенной – лишь маленький эпизод, небольшое ответвление Мультимира.

Постмодернизм как мировоззрение информационного общества весьма специфицирует видение Вселенной, зачастую представляемой как результат симуляции, созданной каким-то могущественным «Супермозгом», а наша Вселенная и человек в ней – рассматривается как реализация компьютерной программы, т. е мы сами «с большей вероятностью оказываемся именно «искусственной жизнью» в этом понимании», и «уже не можем сказать, где кончается реальность, и начинаются порождения чьего-то разума» [8]. Речь идет о современном человеке, а не постчеловеческой цивилизации, которая благодаря бесконечным вычислительным мощностям будет способна к симуляциям, имитирующим ее эволюционную историю. Очевидно, что сам факт генерации подобных идей не может быть спорадическим по отношению к эпохе, к ее культуре. Стоит ли удивляться тому, что королевский астроном Великобритании, космолог М. Рис и братья Вачовски – сценаристы и режиссеры знаменитой «Матрицы» независимо друг от друга воспроизвели в своих произведениях один и тот же сюжет? С другой стороны, в подобных идеях неявно присутствует отсылка к структурной рациональности.

Совершенно очевидно, что образ хаотической Вселенной коррелирует с постмодернистским видением мира. Идеи основы новой космологии, хотя и оцениваются учеными и философами как революционные, вполне мирно были ассимилированы культурой и не вызвали мировоззренческих дискуссий, как это было с теорией гелиоцентризма или теорией эволюционирующей Вселенной А.Фридмана.

Согласование или несогласование содержания космологического знания какой-либо исторической эпохи с культурой этой эпохи либо тормозит развитие космологии, либо ведет к формированию культуры нового типа, что мы и видим в современной ситуации. Примеров обратного эффекта тоже немало. Классический – античный гелиоцентризм Аристарха Самосского. Новаторские идеи античного астронома не были приняты античной наукой, т.к. его космология противоречила существовавшим философским системам [9]. Несмотря на обоснованность и потенциальную возможность принять эту систему ни эпикурейцы, ни стоики, ни перипатетики этого не сделали. Идея гелиоцентризма оказалась чужда философскому духу античной Греции.

Представляется, что на фоне кризиса культуры проблема соотношения культурного и природного, человеческого и космического вновь выглядит актуальной. Существует определенная взаимосвязь между тем, как человек представляет себе мир в космических масштабах – Вселенную, и между тем как он позиционирует себя в этом мире. Органична ли он часть космического целого, толкователь священных текстов, полный оптимизма естествоиспытатель и преобразователь Вселенной или ничтожная частица хаотической бездны. У каждой эпохи «своя» Вселенная и человек ее познающий. Как представляется, эта взаимосвязь – следствие «вертикальной» организации европейской культуры в отличие от восточных

культур. Это обстоятельство и формирует специфическую рациональность – функциональную, которая согласовывает мировоззрение человека, культуру и данные натурфилософии или естествознания. Функциональную рациональность в большей степени выражают не естественные науки, согласовывающие телесность человека и природу, не гуманитарные, занятые согласованием сознания человека и культуры, а космология. Космологию в широком смысле можно рассматривать как определенную форму согласования сознания человека и Вселенной.

Литература

1. Мамардшвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990. №10.
2. Липский Б.И. Рациональность, истина, коммуникация – СПб., 1997.
3. Девис П. Случайная Вселенная. – М., 1985.
4. Гиндилис Л.М., Михайлов К.А., Панов А.Д. Горизонты астрономии и СЕТИ // Земля и Вселенная, 2006. № 2.
5. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. Малый комментарий. Послание против Вернера. Упсальская запись. – М., 1964.
6. Тоффлер О. Наука и изменение (Предисловие). – М., 1986.
7. Линде А.Д. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип// URL: <http://www.astronet.ru:8101/db/msg/1181211/node7.html>.
8. Рис М. Внутри Матрицы // URL: <http://www.edge.org/documents/archive/edge116.html>.
9. С.В.Житомирский. Гелиоцентрическая гипотеза Аристарха Самосского и античная космология. – М., 1986.